

образ десантника, сложившийся у населения?

– Мы с этим боремся. Воспитываем молодежь, чтобы она не порочила честь мундира. В других городах с этим тоже работают. В основном так делают молодые люди, которые только-только пришли из армии, при этом могли где-то хлеборезами отслужить или на КПП весь год просидеть, но вдруг чувствуют себя десантниками. Как правило, неприлично себя ведут 2 августа те, кто не служил в ВДВ, а был «рядом со службой».

– Пороху не нюхали...

– Да-да. Настоящий воин никогда так себя вести не будет.

– Как вы отмечаете День ВДВ, есть какие-то традиции?

– Конечно. Раньше собирались в Иркутске, теперь в Шелехове. Своей командой сначала идем на службу в церковь. Потом возлагаем цветы к памятнику Василию Филипповичу Маргелову, устраиваем там небольшой концерт, показываем свое вооружение, для детей проводим викторины, организуем полевую кухню. После официальных мероприятий мы уезжаем на неофициальную часть. У нас есть очень красивое место за Чистыми Ключами – Марьин утес называется, мы поставили там крест всем воинам и защитникам Отечества и Веры. Он освящен. Вдали от города, вокруг природа, Иркут. Мы там можем расслабиться, отдохнуть, но в фонтанах не купаемся. *(Мягко улыбнулся.)*

– Вы награждены медалью «За отвагу». Поделитесь историей, за участие в какой операции вас так отметили?

– Это медаль за участие в штурме Грозного. Там почти все мосты были разрушены... Один мост мы штурмовали очень долго. Не могли никак взять и переправиться на другую сторону, чтобы захватить плацдарм и продвигаться дальше к войскам. Нам пришлось ночью по

воде в феврале переходить, закрепляться на том берегу. Наша рота смогла переправиться и дальше развить наступление...

– У вас есть боевые ранения?

– Нет. Мне, слава богу, повезло.

– Это был единственный ваш бой или приходилось участвовать в других действиях?

– Нет, много других было. Однажды нам в подмогу прислали танк Т-80 с вертолетным двигателем. У него есть особенность: когда он идет в лоб, то слышен только ляг гусениц, двигатель работает практически бесшумно. Когда он с тобой поравняется или уйдет вперед, там выхлопы как из самолета, он свистит. Мы знали, что он уже к нам идет. А его путем не слышно. Смотрим – у нас в тылу группа из четырех арабов бежит наперерез танку с гранатами. Хотели его подбить. Мы развернулись и уничтожили всю группу. Танк дошел без потерь.

– Вам снится тот самый бой?

– Бывает. Бывает по-всякому...

– Как приходили в себя после пережитого?

– Служба в милиции, уголовный розыск. Четыре года там, потом на гражданку.

– Очень часто у военных, отдавших долг Родине, защищавших ее, есть обида на государство, которое должным образом их не отблагодарило за это. У вас есть эта обида?

– Нет. Люди жизнью рискуют ради государства, оно должно им как-то отплатить. К сожалению, не всегда это возможно. Раньше про армию мало говорили. Мы служили в таких условиях в лихие 90-е, и то мне казалось, что нас хорошо кормят. Сейчас на армию стали больше обращать внимания, выделять денег. Отслужившие люди начали получать жилье, сертификаты, неплохие пенсии.

– Чисто по-человечески вы можете простить предательство?

– Предательство нельзя прощать. Человек, предавший один раз, предаст и во второй, и в третий.

– Каждый человек совершает ошибки...

– Ошибки – одно дело. Человек может оступиться неосознанно, не понимая. А предательство – это осознанно.

– Что вы вкладываете в понятие дружбы?

– Дружба – это когда можно позвонить посреди ночи и сказать человеку: надо. А человек подрывается и спешит к тебе на помощь. Это безоговорочное доверие и чувство надежного плеча рядом.

«Дружба – это когда можно позвонить посреди ночи и сказать человеку: надо. А человек подрывается и спешит к тебе на помощь».

«Надеюсь, что из молодого поколения вырастут достойные люди, которые будут приносить пользу в самых разных сферах».

– Вы скучаете по военному делу?

– Конечно, скучаю. Порой даже закрадываются мысли... Когда я уходил, меня уговаривали, просили остаться на сверхсрочную службу с последующим поступлением в учебное заведение. Но тогда мне хотелось домой, домой, домой... Приехал, зажил гражданской жизнью. Да, скучаю. Сейчас работаю на ИркаЗе, выходные дни провожу с детьми в клубе. Это занимает много времени, сил и средств. Но самое главное – детям нравится. И мне тоже. Есть результат, отдача.

– У вас есть семейные традиции участия в выборах?

– Да, мы всегда участвуем в выборах. И каждый должен делать это. Не выберешь ты – выберут за тебя.

– Как вы относитесь к тому, что лето и начало осени ваша жена, которая работает в избирательной системе, буквально живет на работе?

– Привык уже. Иногда бывает, что ругаемся. Она уже предупреждает меня: на будущий год бери отпуск, когда хочешь, я все равно буду занята выборами, и летом мы с тобой отдыхать не пойдем. Уезжает рано, приезжает поздно. Выходные тоже не дома. Да привык уже. Что поделаешь – работа.

– Если бы у вас сейчас была возможность написать письмо потомкам, что бы в нем было?

– *(Константин Борисович на какое-то время задумался.)* Хм... какой вопрос... Не приходилось о таком размышлять. Надо подумать... Я обязательно подумаю, – ответил он, потом посмотрел на часы: – Пора, дети ждут, надо репетировать выступление перед японскими гостями из города-побратима. На этом и распрощались.

Беседовала Ани Думикян
Фото из архива К.Б. Исколова

